

Сопричастность вместо аналогий

За любыми литературными приемами Сталина ощутимы те или иные культурные, ментальные и политические притяжения, вызывающие к реконструкции в рамках более широкого контекста. Забегая вперед, следует уточнить, что речь идет о некоторых специфических приметах, разделяющих раннебольшевистский и меньшевистский дискурс и обусловленных базисными особенностями обоих движений. Оплодотворенный семинарией жречески наставительный слог Сталина мог так впечатляюще разрастись лишь на пажитях раннего большевизма, обладавшего полнотой истины (имеется в виду, конечно, ленинский, а не богдановский извод этой идеологии). При всей своей догматической зачарованности, меньшевизм отличался от него все же большей внутренней свободой, сопряженной с организационной нестабильностью, центробежностью и автономизмом; кроме того, смягчению суровых марксистских нравов несколько способствовала и меньшевистская теоретическая установка на сближение с «либеральной буржуазией». Большевистскому волевому централизму, прагматике и дисциплине (соединявшимся с разжиганием массовых стихийно-разрушительных импульсов) здесь отвечал скорее морально-идеологический консенсус, рассудочный диктат старой доктрины. Само собой, мы тут по необходимости упрощаем живую реальность — эмоциональную, текучую и сумбурную, подверженную влиянию случайных факторов; но ясно, что регулятивные принципы или главенствующие тенденции соперничающих группировок не могли не сказаться на культурном самосознании их сторонников.

Как известно, меньшевизм, сохраняя верность статической модели марксизма, подбирал для всякого данного этапа преудказанного социального развития ближайшее соответствие на исторической шкале⁵. Традиция пришла со стороны немецкой социал-демократии, но обилие евреев среди меньшевиков и впрямь придавало раввинистический привкус этой методе, в которой проглядывало нечто от талмудической экзегезы с ее сопоставительной синхронизацией разновременных явлений и приемом расширительных аналогий («каль ва-хомер»). Конечно, у большевиков, включая Ленина, тоже мелькали все эти сравнения современных рос-

сийских событий с Великой французской революцией, 1848 годом, Парижской Коммуной и т. п. (уже в 1920-е гг. такие параллели — преимущественно, между сталинским режимом и «термидором» — возлюбил Троцкий), но эксплуатировались они все же гораздо реже и почти исключительно в ритуальных или полемических целях. Мало затронула большевизм и древнехристианская традиция аллегорического «прообразования». Сама эта библиотечная манера была принципиально чужда ленинскому направлению, упорно претендовавшему на живую, диалектическую динамику, открытость и злободневность. Так, говоря о своем режиме, Ленин называет его прямым «продолжением», а вовсе не аналогом Парижской Коммуны. Соответственно, и Сталин объявляет последнюю не прообразом, а «зародышем» советской власти. Видимо, это была действительно общая черта большевистской поэтики, присущая и тем, кто, как А. Богданов, призывал «освободить большевизм от ленинизма». Скажем, в програмно-«впередовской» статье «Социализм в настоящем» (конец 1910) он пишет, что пролетарская организованность и сотрудничество — «не прообраз социализма, а его истинное начало»⁶. Бухарин в 1922 высмеивает свойственный «социал-демократическим талмудистам» прием «аналогий и исторических параллелей», «крайне рискованных» и даже «бессмысленных» («Буржуазная революция и революция пролетарская»)⁷.

Привычно подражая в определениях «лучшему теоретику», Сталин вполне искренне солидаризуется с его подходом. К мишуре интеллигентских сравнений он относится с открытым презрением, поддержанным сочетанием невежества, патриотизма и здоровой житейской эмпирики. «Необходимо, чтобы партия вырабатывала лозунги и директивы не на основе заученных формул и исторических параллелей, а в результате тщательного анализа конкретных условий», — говорит он немецкому коммунисту Герцогу в 1925 г. «Меньшевистскую группу» в марксизме Сталин порицает именно за то, что «указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей», — и за ту же манеру бранит Троцкого (бывшего меньшевика), увлеченного «детской игрой в сравнения».

В конце 1931 г., отвечая на вопрос Эмиля Людвига о своем предполагаемом сходстве с Петром Великим, Сталин слово повторил формулы не упомянутого им Бухарина: «Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна». Сопоставлению он обычно предпочитает уже знакомый нам принцип смежности или причастности: «Я только ученик Ленина, и цель моей жизни — быть достойным его учеником <...> Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был каплей в море, а Ленин — целый океан». Капля и океан — часть и целое: сравнение заменено как прямой преемственностью («ученик»), так и включением в общность.

Смена тропов далеко не безобидна. Ср. ее грозные возможности, приоткрывающиеся, например, в поздней брошюре Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где разбор «ошибок т. Ярошенко» строится в двух планах — отрицательном (это не Маркс и не Ленин) и положительном (к кому же они тогда восходят?). Проследим последовательность его ходов, развернутых на протяжении нескольких страниц; для наглядности я использую отдельное издание 1952 г.:

а) «Вместо марксистской Политической экономии у т. Ярошенко получается что-то вроде [аналогия] «Всеобщей организационной науки» Богданова» (с. 64);

б) «Следует отбросить не ленинскую формулу, являющуюся единственно правильной, а так называемую формулу т. Ярошенко, явно надуманную и немарксистскую, взятую из Богдановского арсенала [причастность] «Всеобщей организационной науки»» (с. 66);

в) Поступать так, «как это делает т. Ярошенко, — значит подменить марксизм богдановщиной» [прямое отождествление с врагом] (с. 70).

Но Сталину нужен гораздо более демонизированный противник, чем полуза-

бытый Богданов, — и он без труда его находит:

а) «У него [Ярошенко] получается... *что-то вроде Бухаринской* [аналогия] “общественно-организационной техники” (с. 64);

б) «В этом вопросе т. Ярошенко *перекликается с Бухариным*» [идеологический контакт, т. е. смежность] (с. 71);

в) «На самом деле *он делает то, что проповедовал Бухарин* и против чего выступал Ленин. Тов. Ярошенко плетется по стопам Бухарина» [непосредственное отождествление и причастность] (с. 72).

Такая привязка может носить принципиально безличный характер, как происходит хотя бы в сталинском докладе на XVII съезде (1934): «Эта путаница в головах и эти настроения, *как две капли воды, похожи* на известные взгляды правых уклонистов». Затем от сходства «двух капель» дается переход к их прямому слиянию; точнее, аналогия подменяется гомогенностью, идеей прорастания (ср. «зародыш») и губительного укрупнения уцелевшей *части*: «Как видите, *остатки* идеологии разбитых антиленинских групп вполне способны к оживлению». Инквизиторская отмычка действует безотказно: «Случайно ли это совпадение взглядов? Нет, не случайно...». Главное — приобщать то или иное лицо к тому или иному социально-идеологическому «окружению», к соответствующим классовым силам, агентами которых и выступают все эти богдановы, бухарины и примкнувший к ним Ярошенко.

Мы соприкасаемся здесь с универсальным свойством сталинской риторической технологии: несмотря на свой сумбурно-метафорический антураж, подлинное первенство она отдает *метонимии и синекдохе*, роднящим ее одновременно и с архаикой, и, естественно, с авангардом (к которому так настойчиво прикрепляет Сталина Борис Гройс⁸). В позитивном аспекте эта — по сути, чисто *пространственная* — поэтика эстетически соответствовала организационной модели большевизма, исходно строившегося (по крайней мере, в теории) как унифицированная структура однородных расходящихся ячеек, управляемых из общего центра. Сам этот центр официально признан был замещать «партию в целом», подавляя от ее имени любые претензии на качественные отличия и самобытность. По определению Ленина в «Шаг вперед, два шага назад», такая система обуславливалась неукоснительным подчинением «части целому», готовностью «пожертвовать всей и всякой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*»; так налаживалась «единая партийная связь всех социал-демократов России», «материальное единство организации» — в противовес идейной, т. е. субъективной и расплывчатой, «интеллигентской» доминанте, выдвигавшейся меньшевиками.

Легко разглядеть, конечно, кровную связь между этой формальной ориентацией на принципиальную гомогенность движения — и марксистско-плекхановским пафосом безличных масс, растворяющих или приобщающих к себе индивида. Марксизм дружески аукался с традиционной имперсональностью и «соборностью» отечественной религиозной традиции, перелицованной на пролетарский и пролеткультовский лад. «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз. Сильнее и чище нельзя причаститься великому чувству по имени класс», — писал уже в советское время бывший сверхиндивидуалист Маяковский, вторя заветам агитпропа. И когда Сталин лицемерно рассуждает о «капле» и «океане», он просто переиначивает траурное обращение ЦК после смерти Ленина: «Каждый член нашей партии есть частичка Ленина»⁹.

Безусловно, сталинская пропаганда вовсю разрабатывала именно «исторические параллели»: Александр Невский, Иван Грозный и Петр Первый как бы «прообразовывали» вождя. Но тут необходимо учитывать установочное расхождение между официально-экстатическим сталинским культом и его «авторским образом», канонизированным в речах и писаниях¹⁰. Индивидуальная стилистика Сталина по большей части манифестирует умышленный разрыв с этой выпретен-

ной пропагандой, опирающейся на громоздкие исторические прецеденты, создавая вождю алиби за счет его большевистской «скромности», деловитости и реализма. Он выступает как часть, адекватно представляющая целое, как безлично-аскетическое воплощение партийной веры, воли — и несокрушимой марксистской «логики». Рассмотрим ее подробнее, начав, так сказать, с математических представлений Сталина.